

исключительно на кораблях, зафрахтованных фрахтхерен (*vrachtheren*), которыми являлись олдермены «новгородских гостей», находящиеся в Ревеле [5, № 458]. Возможно, в указанный период подобные правила были распространены на другие города, где торговали «новгородские гости», и в связи с этим они стали себя отождествлять со всем ганзейским купечеством.

Обращаясь к обозначенному порядку фрахтования судов, в 1491 году магистрат Любека в письме к совету Ревеля указывал на одобрение «купцов, имеющих торговые дела в Новгороде» (*coplude, to Nowagarden ere verkeringe hebben*). По мнению, любекских ратманов, в связи с тем, что указанный порядок был одобрен купцами в Любеке, его стоило принять без обсуждений [5, № 747]. Как уже отмечалось выше, новый порядок фрахта судов был предложен именно «новгородскими гостями», поэтому, очевидно, ратманы Любека имели ввиду их [5, № 458].

Несмотря на то, что уже к середине XIV века ганзейская документация перешла с латинского языка на средненижнегерманский, отдельные латинские слова и выражения продолжали употребляться в купеческой переписке [1, с. 65]. Так при перечислении расходов Томаса Шрове (*Thomas Schroven*), затраченных на поездку в Москву, олдермены «новгородских гостей» названы по латыни: «*oldermannis communium mercatorum Lubicensium Nowgardie*» [4, № 434]. Использование латыни также расширяет круг возможных источников, связанных с рассматриваемой корпорацией.

Таким образом, не всегда представляется возможным в многообразии ганзейской документации выявить материалы, непосредственно относящиеся к гильдии «новгородских гостей». Тесные деловые отношения с магистратом Любека, который зачастую транслировал Ревелю те или иные стремления городской корпорации, осложняют поиск источников, так как порой не содержат прямых указаний на причастность «новгородских гостей» к обсуждаемым вопросам. Отождествление гильдии со всем ганзейским купечеством, допускаемое ее купцами, по всей видимости, для большей солидности, также может запутать исследователя. В подобной ситуации единственно верным методом стоит считать анализ конкретного источника в историческом контексте и без отрыва от других документов, с которыми он может быть связан. Систематизация имеющейся источниковой базы должна облегчить дальнейшее изучение гильдии «новгородских гостей» периода Средневековья.

1. Бессуднова, М. Б. Перспективы изучения ганзейских квитанций из Томского государственного университета / М. Б. Бессуднова // Средние века. – М. : ИВИ РАН, 2019. – № 4. – С. 60–82.
2. Ушаков, А. В. Обращение графа Филиппа фон Клеве к ганзейскому купечеству: к вопросу «авантюрной торговли» на Балтике конца XV века (по материалам Таллиннского городского архива) / А. В. Ушаков // Vita Memoriae: Теория и практика исторических исследований. – Нижний Новгород : НГПУ им. Козьмы Минина, 2021. – С. 29–31.
3. Goetz, L. K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters / L. K. Goetz. – Lübeck, 1922. – 572 s.
4. Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. Ab. 3. Bd. 3. – Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1888. – 590 s.
5. Hansisches Urkundenbuch. – Bd. 11. – Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1916. – 899 s.
6. Harder- Gersdorff, E. Lübeck, die Kompagnie der Novgorodfahrer und der Russlandhandel vor der Gründung St. Petersburgs / E Harder- Gersdorff // Hansische Geschichtsblätter. – Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 2002. – Bd. 120. – S. 97–147.
7. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. – Ab. 1. – Bd. 8. – Riga ; Moskau : Verlag von J. Deubner, 1884. – 687 s.
8. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. – Ab. 1. – Bd. 9. – Riga ; Moskau : Verlag von J. Deubner, 1889. – 722 s.
9. Schlüter, W. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom 13. Bis 17. / W Schlüter. – Jahrhundert. Dorpat, 1911. – 145 s.
10. Schubert, B. Hansische Kaufleute im Nowgoroder Handelskontor / B. Schubert // Nowgorod. Markt und Kontor der Hanse. – Köln : Böhlau, 2002. – S. 79–96.
11. Tallinna Linnaarhiv. – F. 230. BE 14-IV. Fol. 2–20.

Якунина В. А.

КОЛЛЕКЦИЯ ПИСЕМ ФОГТОВ НАРВЫ ИЗ ТАЛЛИННСКОГО ГОРОДСКОГО АРХИВА: ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА¹

Расположенная на границе России и Ливонии средневековая Нарва играла значительную роль в системе русско-ливонских взаимоотношений, как в экономической, так и в политической сферах. Уже с XIV века город развивался как важный центр русско-ганзейского товарообмена и, кроме этого, с 1347 года являлся стратегически значимой пограничной крепостью Ливонского ордена. Заинтересованность Ордена в экономическом развитии города положительно сказалась на формировании его правового положения. Поскольку представителем Ливонского ордена в Нарве являлся фогт, то целесообразным представляется рассматривать механизмы взаимоотношений Ливонского ордена и Нарвы проанализировав деятельность фогтов, что на данный момент в исторической литературе фактически не находит никакого отражения.

¹Исследование произведено при поддержке РНФ, проект № 19–18–00183 «Экономические, политические и социокультурные коммуникации России и Прибалтики в XV–XVII вв. по материалам архивных коллекций Таллинна, Любека, Берлина и Санкт-Петербурга»

К сожалению, средневековый архив Нарвы (в первую очередь магистрата) и Нарвского замка не сохранились. Еще до начала XIX века в одной из башен замка Нарвы хранился архив фогтов вместе с грамотами XVII века, но обнаруженный в 1823 году он был отослан на бумажную фабрику вблизи города [12, с. 15–16]. Нам остается пользоваться материалами, сохранившимися в Таллиннском городском архиве (*Tallinna Linnaarhiiv, TLA*) в фонде 230 (*Tallinna magistraat*). На сегодняшний день там хранится документация орденской администрации города (фогтов) Нарвы, а именно их письма в Ревель (Таллинн) [10]. Коллекция писем фогтов включает 84 письма (включая 2 копии [10, 33 /34, 81 /82]), охватывающих период с 1375 по 1510 годы, однако имеются продолжительные временные периоды в документах не освещенные (рис. 1).

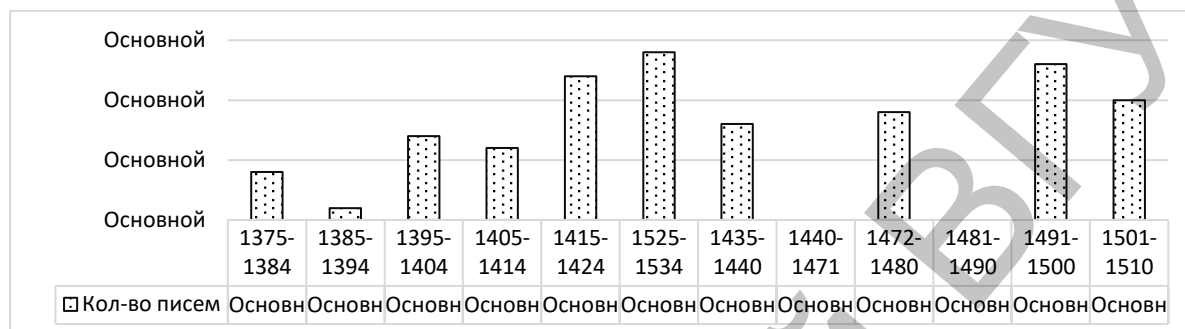

Рис. 1. Распределение количества писем по годам.

В настоящее время письма частично опубликованы в транскрипции на средненижненемецком языке в сборниках «Liv, -Esth -und Curländisches Urkundenbuch» [1–9]. При этом, в процессе исследовательской работы с данными материалами нельзя слепо полагаться на эти публикации, поскольку из-за отсутствия копировальной техники в сборниках зачастую допущены опечатки и неточности, которые могут оказать серьезное влияние на качество и смысле последующего перевода. Помимо этого, небольшая часть (письма, касающиеся вопросов Ливонской войны 1480–1481 годов) опубликована переводах М. Б. Бессудновой [11, № 23, 34, 72].

Данная коллекция сформирована из материалов, которые сохранились в силу различных обстоятельств и объединена по принципу их принадлежности (фогтам или хаускомтурам Нарвы). По тематике имеющиеся письма условно можно разделить на несколько категорий:

	№ листов (BB 52 I)
1) регулирование вопросов торговли Нарвы с ливонскими городами и Россией;	4, 9, 11, 15, 17, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 30, 31, 32, 38, 41, 42, 44, 46, 48, 51, 52, 56, 62, 64, 66, 68, 69, 84.
2) досудебные разбирательства и судебные прецеденты:	
а) между ливонцами;	1, 2, 3, 5, 10, 16, 19, 35, 39, 43, 49, 53, 61, 63, 65, 72, 73, 76, 77, 79.
б) с участием русских;	13, 26, 37, 54, 67, 71.
3) документация военно-стратегического характера;	6, 12, 14, 18, 29, 50, 55, 57, 58, 59, 60, 75, 78.
4) вопросы церкви;	8, 20, 28, 36, 40, 45, 47.
5) открытые и рекомендательные письма.	7, 33 /34, 70, 74, 80, 81 /82, 83.

Даже исследователю, который не знаком с материалами приведенные данные красноречиво показывают, что в переписке с Ревелем вопросы военно-стратегического характера отнюдь не занимали первого места, в отличие от вопросов, связанных с торговлей как внутри Ливонии, так и с Россией. Формы участия фогтов в торгово-хозяйственной жизни города выражались по-разному: фогты участвовали в торговых сделках, осуществляя торговые операции (закупку и продажу) через доверенных лиц и лично курируя проблемные ситуации; регулировали вопросы торговли Нарвы с ливонскими городами, в том числе защищая интересы нарвских купцов; регулировали русско-ливонскую торговлю, исполняя запреты верховного магистра на вывоз определенных товаров; контролировали осуществление товарообмена в соответствии с установленным порядком; хранили купеческие товары; конфисковали фальшивые товары и многое другое. О заинтересованности фогтов в развитии торговли с Россией говорит и тот факт, что в мае 1425 года [10, 39] фогт попросил Ревель содействовать в закупке крупной партии соли (30 листов) его подчиненному Герману Лехтену

(*Herman Lechten*) в обход ганзейского запрета на торговлю с русскими, на что получил от магистрата Ревеля недвусмысленный ответ, что хотя на данный момент и действует запрет на торговлю солью для всех купцов, бюргеров и гостей, но будет ли Герман Лехтен покупать или продавать ее «это не их дело, и он может это делать на свой страх и риск» (*vorder is dat unser zake nycht; wil we wat dar enboven up syn eventhure kopen offte vorkopen de mach dat don*). Изучения фогтов Нарвы не только как исполнителей воли Ордена, но и как самостоятельных участников торговых отношений, крайне заинтересованных в их успешном развитии, на сегодняшний день представляется нам перспективным направлением исследования.

Высокую ценность представляет коллекция как для анализа судебно-административных функций орденских фогтов в частности, так и для исследования порядка судопроизводства средневековой Нарвы, который представлял различные формы сотрудничества сеньориальной и муниципальной администрации (магистрата), что наиболее ярко нашло отражение в судебных делах. Между ливонцами наиболее распространены тяжбы касающихся торгово-предпринимательской активности бюргеров, вступления в права наследования и долговых обязательств.

Судебные прецеденты с участием русских (новгородцев и псковичей) заслуживают отдельного внимания, так как фогт являлся первой инстанцией рассмотрения жалоб русских купцов в Нарве. Красноречиво об этом повествует сюжет 1472 года [10, 54], когда фогт Хайденрейх фон Вальгартен обратился к магистрату Ревеля по поводу жалобы от жителя Нейшлосса (*Ямбурга*) Якова (*Jacob*) в отношении ревельского гражданина Генриха Кемпе (*Hinrick Kempe*), задолжавшего ему крупную сумму денег. Дело это тем примечательно, что фогт, в случае если его просьба не будет выполнена, обещал вынести этот вопрос на «великое собрание» (т. е. ганзетаг) вместе с другими жалобами. Если же Ревель не захочет давать делу столь серьезный оборот, то должен передать деньги для Якова фогту, так как в скором времени он прибудет к нему за ответом. Этот пример, как и другие, повествует о максимальной лояльности орденской администрации к русским, если их вина не была очевидна, поскольку фогты стремились избегать обострения конфликтных ситуаций, так как это могло привести к прекращению торговли.

Документация военно-стратегического характера представлена небольшим количеством документов. В основном сохранились документы с обращениями в Ревель по поводу предоставления городу наемников для защиты, в периоды обострения отношений с Россией, а также содержащие информацию с русской стороны от гостей города и лазутчиков. При этом имеющиеся письма дают возможность узнать о военных полномочиях фогта, необходимом количестве военных людей (*mannen*) для защиты, используемом оружии, тактике и многом другом, что раскрывается не полностью, но при этом рисует яркие картины военной повседневности.

Письма касающиеся церкви имеются лишь за период с 1405 по 1437 годы. Из них мы узнаем, что в этот период Ревель был обязан платить Нарве церковную ренту в размере трех рижских марок, что бы они могли выплачивать жалование капеллану [10, 28, 47], справляющему службу в капелле, расположенной перед замком Нарвы (*belegen vor dem slotte tor Narwe*) [10, 36]. Как правило выплаты происходили на Пасху [10, 45], однако очень часто Ревель задерживал жалование [10, 40, 47], поэтому фогту приходилось обращаться к магистрату по этому вопросу, поскольку задержки могли достигать не только нескольких месяцев, но и почти года.

Особую категорию документов представляют открытые и рекомендательные письма. Рекомендательные письма фогты представляли своим подчиненным с целью помощи в их делах [10, 7, 70], либо предоставления привилегий [10, 33 /34], а открытые письма служили способом волеизъявления фогтов, зачастую и по решению частных вопросов и конфликтов [10, 74, 80, 81 /82, 83].

Коллекция писем фогтов Нарвы представляет собой богатый материал для исследователя средневековой Ливонии и России, позволяя обратиться к экономическим, административным, военно-политическим аспектам жизни Нарвы, а также к вопросам истории повседневности и при более глубоком анализе частично реконструировать быт бюргеров и обитателей замка Нарвы. Данная коллекция представляет для нас особую ценность, поскольку содержит письма, сохранившиеся в силу обстоятельств, а не искусственно отобранные исследователем. Объективность такого материала значительно выше, чем подборок в работах ученых, преследующих поставленные цели и задачи. Именно комплексный анализ всего материала позволяет сделать наиболее достоверные выводы и отказаться от распространенного в историографии мнения о конфронтации Прибалтики (в первую очередь Ливонии) и России на начальном этапе Нового времени, а также позволяет предпринять попытки выявления более сложной модели их взаимоотношений.

1. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. – Ab. 1. – Bd. 3. – Reval : in Commission bei Kluge und Ströhm, 1857. – 800 s.
2. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. – Ab. 1. – Bd. 4. – Reval : in Commission bei Kluge und Ströhm, 1859. 948 s.
3. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. – Ab. 1. – Bd. 5. – Reval : in Commission bei Kluge und Ströhm, 1867. 1071 s.
4. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. – Ab. 1. – Bd. 7. – Riga ; Moskau : Verlag von J. Deubner, 1881. – 608 s.

5. Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. – Ab. 1. – Bd. 8. – Riga ; Moskau : Verlag von J. Deubner, 1884. – 687 s.
6. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. – Ab. 1. – Bd. 9. – Riga ; Moskau : Verlag von J. Deubner, 1889. – 722 s.
7. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. – Ab. 1. – Bd. 13. – Köln ; Wien ; Weimar : Böhlau Verlag, 2018. – 840 s.
8. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. – Ab. 1. – Bd. 14. – Köln ; Wien ; Weimar : Böhlau Verlag, 2019. – 987 s.
9. Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. – Ab. 2. – Bds. 1–3. – Riga ; Moskau : Verlag von J. Deubner, 1900–1914.
10. Tallinna Linnaarhiiv (Tallinn city archive, далее – TLA). – F. 230. BB 52 I. Fol. 1–84.
11. Бессуднова, М. Б. Первая Ливонская война, 1480–1481 годы. Документы / М. Б. Бессуднова. – СПб., 2019. – 320 с.
12. Кивимяэ, Ю. Ю. Нарвский вопрос в 1494–1558 гг. : дисс. ... к. и. н. / Ю. Ю. Кивимяэ. – Таллин, 1981. – 203 с.

Вебер Д. И.

КАЗНЕННЫЙ ЛИВОНСКИЙ ПЛЕННИК. НАДГРОБИЕ РЫЦАРЯ НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА В МОСКВЕ*

Речь идет о надгробной плите, пленного рыцаря Немецкого ордена, комтура Голдингена. Она была найдена в 1823 г., затем, возможно, находилась в собрании Н. П. Румянцева, а впоследствии в Оружейной палате, с октября 1930 г. в качестве экспоната хранится под инвентарным номером № А-840 в фонде Государственных музеев Московского Кремля [1, с. 175].

Данное надгробие позволяет поставить ряд вопросов, которые связаны с одной стороны с установлением личности покойного и его появлением в Москве, а с другой – с характером изготовления данной надгробной плиты.

В первую очередь хотелось бы отметить, что рассматриваемая находка представляет собой надгробный камень, который был выявлен в 1823 г. Об этом свидетельствует письмо К. Ф. Калайдовича к графу Румянцеву от 20 июня того же года [2, с. 175–176]. Согласно ему, в ходе работ, проводимых по указанию купца Аверина, недалеко от Серпуховской заставы, на Конной площади было выявлены остатки кладбища с фрагментами надгробий немецкого происхождения. По свидетельству Калайдовича, «Четвертый камень, положенный на тротуар нового Мытного двора, достоин особого внимания: это памятник знаменитого ливонского ландмаршала...» [2, с. 175–176]. Однако, надпись на камне гласит: HIR LICHT BE // GRABEN DER ACHBAR // UND ERWIRDIGHER // BERNT SCHAL VON // BELL DES R D O // KUMPTOR ZU GOLDING IN LIEFLANDT [1, с. 61; 2, с. 175]. Т. е. возникает первый вопрос, почему Калайдович указывает другую должность покойного? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к фигуре Шалль фон Белля.

Свидетельство о статусе этого члена Немецкого ордена записано на самой надгробной плите: покойный был комтуром Голдингена (совр. Кулдига). Однако более ранние источники позволяют реконструировать его путь по служебной лестнице. Например, в 1549 г. он упоминается в качестве кумпана в Зегевольде (совр. Сигулде) («...ock unsern cumpan tho Seggewolde, hern Werner Schall von Bell») [3], после 1555 г. – как фогт Розиттена (совр. Резекне) [4, с. 66], занимая эту должность вплоть до 1559 г., когда крепость была передана Польше. В 1560 г. он стал комтуром Голдингена, и в этом статусе и оказался в Москве. Согласно ливонским хроникам, произошло в результате пленения в битве при Эрмесе. Кроме того, они отвечают и на вопрос, каким образом комтур Голдингена скончался.

Так, Бальтазар Рюссов описывая битву при Эрмесе и ее последствия отметил: «*alse Philip Schall van Bell, Landtmarschalck up Segewolde, unde sin Vedder herr Schal van Bell, Cumter tho Goldingen...Do sint de vorgemelte Ordensheren und Gebitieggers samtlick gefangen, unde na de Muskow geföret, dar se mit der Külen sint vpr de Köppe geschlagen, unde jamerliken ummegebracht worden*» [5, с. 60]¹. Схожая информация, но с некоторыми отличиями содержится и в других ливонских хрониках. Так Франца Ниенштедта сообщает следующее «*obwohl die Ordensgebittiger, als Herr Schall von Bell, Landmarschalck auff Segewald, Herr Johann von Bell, Cumptor zu Goldingen..., vnd andere mehr sich nach Vermögen gerüstet, dem Feind zu begegnen, vnd bey der Ermis ein Treffen gethan... seynd sie doch... zu schwach gewesen... alle die obgenandte Herren gefangen, vnd in die Moscow geföhret, woselbst sie getödtet worden*» [6, с. 62]. Как мы видим, в хронике Ниенштедта информация о месте битвы и пленении схожа с хроникой Рюссова, но отсутствует информация о способе казни. Однако обращает на себя внимание неверное написание имени комтура, не Вернер, а Иоганн.

Ответив на первый вопрос, кто такой Вернер (Берндт) Шалль фон Белль, представляется необходимым обратиться ко второму, связанному с внешними характеристиками надгробной плиты.

* Материал подготовлен в рамках реализации проекта РНФ № 20 – 78 – 10060 «Церковное и монастырское строительство в России XIII–XVII вв. как фактор развития общества и государства в XIII–XVII вв. и начале XXI в.: история, культура, архитектура, наука».

¹ «...Филипп Шалль фон Белль, ландмаршал Зегевольде, и его кузен, Шалль фон Белль, комтур Голдингена...все вышеупомянутые орденские сановники были пленены и отвезены в Москву, где были дубинами головам и умерщвлены...»

² «...хотя гебитигеры ордена, такие как Шалль фон Белль, ландмаршал в Зегевольде, Иоганн фон Белль комтур гольдингенский..., и другие собрали войско, какое только могли набрать для поражения врага, и сошлись при Эрмесе ..., но... они все же потерпели поражение... вышеозначенные персоны были схвачены, отвезены в Москву и там умерщвлены».